

3

Конкретизация «образа» Елизаветы в одах Ломоносова совершалась по разным направлениям: образ не только приобретал внешнюю, живописную и динамическую портретность, но и получал определенное политическое содержание в соответствии с тем, как складывались и формировались общественные взгляды самого Ломоносова в 1740-е годы.

Переворот 25 ноября 1741 года, совершенный гвардией, проходил под лозунгом восстановления законности престолонаследия в лице дочери Петра I. «Немецкое» засилье кончилось и к власти пришла русская императрица — такова была официальная версия смысла и значения переворота. Как пишет С. И. Соловьев, «... указ Анны Иоанновны, чтоб длинных проповедей не говорить, был забыт».²⁰ Церковники, рассчитывая на общеизвестную приверженность Елизаветы к православной религии, начали по-своему толковать возрождение традиций Петра I.²¹

Вновь, как это было когда-то при Петре I, церковная проповедь стала средством пропаганды официальных политических взглядов, хотя официальная идеологическая концепция нового царствования совершенно не походила на идеологию Петра и его окружения. Помимо обоснования необходимости переворота свирепостью террора при Бироне, церковные проповедники изображали наступающее царствование как восстановление прерванных после Екатерины I традиций петровской политической и государственной деятельности.

Но это прославление Петра делалось под очень своеобразным углом зрения.

Амвросий Юшкевич, архиепископ Новгородский, 18 декабря 1741 года, в день рождения Елизаветы Петровны, посвятил свою проповедь обличению владычества иноземцев в предыдущие два царствования и прославлению Петра. Петр предстал перед слушателями Амвросия как заботливый, усердный рачитель и устроитель церковных дел. В тот же день в Москве произнес проповедь ректор Славяно-греко-латинской академии Кирилл Флоринский, еще более энергично, чем Амвросий, нападавший на «человекоядов» Миниха и Остермана и развивавший ту же, наскоро созданную церковной партией легенду о Петре, благочестивом и богобоязненном царе. Флоринский говорил, обращаясь в своей проповеди от лица Елизаветы Петровны к Петру: «Не отец ли мой, аки бы вне утруждения в воинстве и гражданстве тяжко на рамах носяй иго, святейшия

²⁰ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 5. Изд. «Общественная польза», СПб., б. д., стр. 147.

²¹ Это возрождение церковной проповеди подробно освещено в статье П. Н. Беркова «Ломоносов и проблемы русского литературного языка в 1740-х годах» («Известия Отделения общественных наук», 1937, № 1, стр. 214—218).